Большая любовь

Автор:
Максим Горький

Большая любовь

Максим Горький

«Казначей Матушкин не любил свою дочь, и были у него на то законные причины: двадцать лет назад, служа в губернии чиновником контрольной палаты, будучи хорошо замечен начальством и уверенно мечтая о большой карьере, он женился на дочери разорившегося помещика Кандаурова, а через три месяца после свадьбы ему довелось пережить такую сцену…»

Максим Горький

Большая любовь

Казначей Матушкин не любил свою дочь, и были у него на то законные причины: двадцать лет назад, служа в губернии чиновником контрольной палаты, будучи хорошо замечен начальством и уверенно мечтая о большой карьере, он женился на дочери разорившегося помещика Кандаурова, а через три месяца после свадьбы ему довелось пережить такую сцену.

Однажды зимою, возвратясь со службы, он подошёл к двери в маленькую комнату молодой жены и замер на пороге, онемев от испуга, обиды, от горя: весь свет лампы, накрытой абажуром, падал со стола на тонкую и гибкую фигурку Варвары Дмитриевны, она стояла на коленях и, молитвенно сложив руки, говорила незнакомым голосом:

– Вы не должны терять веру, вы не должны гасить сомнениями эту великую любовь, – боже мой, как хотела бы я идти с вами и каждую минуту, всегда, до могилы помогать вам…

На диване сидел товарищ тестя, политический ссыльный Муханов, богатырь ростом, ласковый и мягкий человек, уже седой, несмотря на свои сорок лет. Он старался приподнять женщину с пола и взволнованно убеждал её:

– Встаньте, Варя, ну вас к богу! Спасибо вам, пристыдили вы меня.

И, приподняв маленькое, ещё девичье тело, он крепко обнял его большими руками, а потом, целуя женщину в лоб, дважды звучно сказал:

– Милая вы моя, милая моя…

Сначала Матушкин смутно и мимолётно почувствовал в этой сцене что-то человечески светлое и доброе, что-то ласково тронувшее его за сердце, но вдруг увидал в зеркале своё отражение: подавленное, сутулое тело, жалкое, опрокинутое лицо, с полуоткрытым ртом и растерянно мигавшими глазами, – в груди у него как бы вдруг лопнуло что-то, сердце облилось жгучим потоком обиды и негодования:

– Это что? – спросил он, задыхаясь. – Как вы смеете, вы…

В ответ ему Муханов, обняв его жену за плечи, начал говорить что-то о чистоте души русской женщины, о своей усталости, о том, что Варя – он так и назвал, Варя – разрушила его сомнения, оживила лучшие надежды, – говорил он строго и громко, точно декламируя стихи Некрасова, лицо у него пылало и глаза были увлажены.

– Ступайте вон! – глухо сказал Матушкин. – Вон, без слов!

Жена, бросившись к нему, испуганно крикнула:

– Сергей, что ты?

А Муханов, разводя руками, удивлённо пробасил:

– Послушайте, батенька…

«Кажется, я не то, не так», – мельком и пугливо подумал Матушкин, но оттолкнул жену и осевшим голосом снова сказал:

– Вон, говорю я!

Варвара Дмитриевна, рыдая, упала на стул, а Муханов страшно выкатил глаза, схватил Матушкина за руку, дёргал его из стороны в сторону и оглушительно орал:

– Вы – дурак! Просите у неё прощенья! Разве я похож на селадона[1 - Селадон – в одном из значений – человек, обычно пожилой, который любит ухаживать за женщинами, волокита – Ред.], чёрт вас возьми!

Матушкин крепко ударился затылком о косяк двери, сел на пол и, молча глядя, как бьётся в рыданиях тело жены, махал рукою, указывая Муханову на дверь.

– Я не могу, не могу, – кричала жена, закрыв лицо руками, а ему казалось, что она смеётся.

– Уведите меня к папе…

– Конечно, вы должны уйти от этого господина, – решил Муханов.

И они ушли.

Четыре дня Матушкин сидел дома, сказавшись больным и не зная, что ему делать. Он не сомневался в измене жены, но не мог объяснить себе – почему?

«Я ей нравился», – думал он, вспоминая её ласки.

Часами стоял перед зеркалом, внимательно и сумрачно разглядывая своё приличное лицо: оно было строго обтянуто чиновничьей кожей, обесцвеченной воздухом канцелярии, на нём даже и теперь неподвижно застыло солидное выражение уверенности человека в своих достоинствах. И вся фигура была

солидная: крепкая, на широких костях.

Нестерпимо больно было ему вспоминать себя таким, как он отразился в зеркале: испуганным, удивлённым и жалким, и в то же время он всем телом чувствовал, что страстно, неисчерпаемо любит жену, что в этой любви сгорают все его планы, расчёты и надежды, в ней всё его самолюбие и оно настойчиво требует победы над женщиной.

«Почему? – думал Матушкин, крепко потирая лоб, и с холодным отчаянием в груди считал: – Мне – тридцать один год, ей восемнадцать, а ему – с лишком сорок. Седой… Однако – о чём же, кроме любви, можно говорить так, как они говорили?»

Ему хотелось увидеть жену, поговорить с нею, но та сила, которую он считал чувством собственного достоинства, властно удерживала его:

«Не надо поддаваться. Это слабость…»

Закрыв глаза, он вспоминал жену – маленькую, стройную, её волосы причёсаны гладко, заплетены в косу и образуют на затылке пышный золотистый узел. У неё красноречивые и бойкие ручки, тонкое овальное лицо, может быть – слишком серьёзное для её возраста, но светло-голубые глаза улыбаются мягко и наивно. В этой улыбке всегда есть что-то возбуждающее тревогу, – она является часто, но, быстро ускользая, не даёт понять её, остаётся неопределённой. И Матушкин думает:

«Смеётся потому, должно быть, что сознаёт своё превосходство над мужем, плебеем».

На пятый день пришёл отец Матушкина, изукрашенный медалями седой унтер, и, слишком часто нюхая табак, сообщил, что гимназисты седьмого и восьмого класса с наслаждением рассказывают в подробностях о том, как недавняя их подруга, Варя Кандаурова, изменила мужу.

– А уж если о чём гимназисты говорят – это весь свет знает… Ты, Сергей, не очень всё-таки гневайся. Женщина всегда старается мужа надуть, это как служащий хозяина всё равно…

Проводив отца, Матушкин написал прошение о переводе в другой город, сам снёс его на почту, отправился в дом тестя и был до глубины души потрясён встречей с женою: она бросилась ему на шею и, до боли крепко обнимая его, стала упрекать, смеясь, плача, жалуясь:

– Как ты оскорбил меня!

И спрашивала, смущённо заглядывая в глаза мужа:

– Ты очень сильно любишь меня?

Он растерялся, ему хотелось встать пред нею на колени, сжимая её хрупкое тело, он говорил с удивлением и стыдом:

– Я сам не знал, что так сильно. Очень мучился без тебя… я самолюбив… испугался…

После этого с месяц времени они жили уединённо, почти не выходя из дома, оба охваченные взрывом молодой страсти, жили торопливо, как бы предчувствуя, что огонь скоро погаснет, и стараясь найти за ним нечто более прочное и устойчивое.

Но часто жена, утомлённая ласками, молча, мечтая, с улыбкой, едва заметной на бледном лице, смотрела куда-то сквозь стены вдаль подозрительно неподвижным и пристальным взглядом тёмно-голубых добрых глаз.

Матушкин чувствовал, что в сердце ему тонкою иглой вонзается страх и будит ревность.

– О чём думаешь? – внезапно и громко спрашивал он.

– Ах, Серёжа, – какие люди есть у нас в России, какие удивительные люди!

Она не умела толково рассказать мужу свои думы и говорила что-то бессвязное, наивное, подобное детской [сказке], а Сергей Матушкин сказкам не верил, не знал их и не любил: с лишком два десятка лет изо дня в день он наблюдал однообразное вращение тяжкого колеса суровых буден, привык спокойно

слышать скучные стоны и жалобы людей, знал, сколько терпения и упорства требует жизнь от человека, как любит она унизить его и как спокойно уничтожает того, кто, не выдержав её толчков, упал.

Слыша в речах жены веру, чуждую ему, он беспокоился и, осторожно стараясь погасить эту веру, ласково говорил:

– Всё это – так себе, Варя, это больше для самоутешения выдумано: очень трудно жить, и люди выдумывают будущее. Мне кажется, это даже вредно – думать о будущем, особенно для нас, людей простых, чернорабочих государства, право. Идёт ли для нас будущее дальше завтрашнего дня? Надо жить спокойнее, умнее, надо сначала устроить хорошее, удобное сегодня, а потом уж исподволь готовить ещё лучшее завтра…

Она, глядя в лицо ему любящими глазами, вдумчиво слушала мягкую речь, но порою её тонкие брови недоуменно вздрагивали.

– Твой отец и Муханов – дворяне, – говорил муж более строго и уверенно, – им неловко жить без мечты о лучшем, потому что в недавнем прошлом их деды и отцы жили слишком хорошо. А мы – я, например, человек вчерашнего дня, и вчера я жил хуже, чем сегодня; нашему брату необходимо много работать, для того чтоб врасти в землю, быть признанными жизнью, нам мечтать некогда и вредно…

Возникали споры, и Сергей Матушкин со страхом и обидой чувствовал, что его простые, неотразимые мысли, внушённые самой жизнью, – раздражают жену, непонятны ей и что мечта для неё и светлее и дороже его правды.

Во время споров она всегда забивалась куда-нибудь в уголок, трепетала там, точно маленькая белая птица, звонко, упрямо и смешно вскрикивая:

– Нет, это не мечта, это необходимо! Это правда будущего, без неё жизнь не имеет смысла, – как ты не понимаешь?

Иногда она, взволнованная до слёз, обнимала мужа и с тоской говорила ему:

– Серёжа, Серёжа, – у тебя сердце в железной клетке! И мысли твои – такие прямые, как железные прутья, и все они – неверные, – их надо уничтожить!

Матушкин крепко потирал широкий лоб и морщился: слова жены казались ему книжными, наивными, он стыдился бы говорить таким языком.

И всё чаще он думал о том, что неудачно женился, что Варя не поймёт тех ударов жизни, которыми выкованы его прямые, твёрдые, короткие мысли, что она любит его телом и чужда ему душой. Муханов и подобные ему люди всегда будут ближе ей и будут помехой его задаче создать жизнь устойчивую и способную отразить все удары судьбы, оборонить его от всех случайностей.

«Сначала она перестанет уважать меня, потом разлюбит», – соображал он, а сам любил жену всё больше, и ревность его росла, вызывая порою озлобление и всегда – унизительные мысли.

«О ком она думает, обнимая меня?» – спрашивал он.

Когда она радостно и гордо сказала ему о своей беременности, он смутился и стал скучно говорить, что теперь она не должна волноваться, не должна думать ни о чём, кроме ребёнка. Говорил разумно, долго, – пока она не заплакала от холода его речи, а ему эти слёзы показались подозрительными, он почувствовал в них что-то сиротское, обидное.

«Перестаёт любить…»

Вскоре он получил перевод в окуровское казначейство.

– Почему? – удивлённо спросила жена.

– Я сам просил.

– Но – почему?

– Видишь ли, после этой истории неловко оставаться здесь.

– Неловко? – тихо переспросила она. – Но ведь ты признаёшь то, чего не было? Ведь ты этим унижаешь себя? Как ты мог уступить грязным сплетням? Сергей, – что ты делаешь?

Он остановил её возбуждённую речь.

– Стой, Варя, давай объяснимся раз навсегда. Я – сын сторожа, бесхарактернейшего человека, моя мать – была кухаркой инспектора гимназии, она страдала истерией и пила водку. Я рано понял, что они оба не могут дать мне ничего, кроме стыда за них. Я рассказываю тебе мою жизнь, она не легка, не весела. Лет пятнадцать я был героем, сначала боролся за право учиться и кусок хлеба, потом за право работать. Теперь я признан хорошим работником, от меня не требуется больше геройства, и сам я не хочу ничего героического, я имею право жить спокойно, жизнь нуждается в простых, порядочных людях – вот и всё.

– Я не верю тебе! – вскричала она, раздражаясь.

– Варя, – поверь – жизнь не опера, а я не тенор, – сказал он, насильно усмехаясь, и спустя неделю они были в Окурове.

Им понравился пёстрый малолюдный городок, подобный лукошку с грибами, забытому в поле на меже.

«Здесь человека видно», – думал Матушкин, вопросительно заглядывая в глаза жены, а она тихо улыбалась какой-то новой улыбкой, неуверенной и тотчас убегавшей с лица.

Они поселились в маленьком, уютном домике за густым занавесом палисадника, к дому примыкал небольшой фруктовый сад, окружённый высоким забором, посредине сада росли две огромные, старые липы, осеняя тенью яблони, вишню и кусты ягод.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Селадон – в одном из значений – человек, обычно пожилой, который любит ухаживать за женщинами, волокита – Ред.

Купить: https://tellnovel.com/maksim-gorkiy/bol-shaya-lyubov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити